ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.Л. Дунаев*

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ — ОТВЕТЫ ПРОШЛОГО НА ВОПРОСЫ БУДУЩЕГО

Понятие «система» прочно вошло в число базовых понятий науки о международных отношениях, однако потенциал и пределы его применения до сих пор остаются предметом споров. Среди теоретиков преобладает точка зрения о том, что системность в международных отношениях возникла лишь после заключения Вестфальского мира. В данной статье предпринимается попытка оспорить этот тезис. Опираясь на разработки отечественных и зарубежных ученых, автор выделяет основные параметры системы и применяет их к изучению международных отношений в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. Это позволяет выявить закономерности, которые могут быть использованы для анализа и прогнозирования трансформации Вестфальской системы международных отношений в XXI в.

Ключевые слова: система международных отношений, «мир-экономика», субъект международных отношений, международно-правовой порядок, иерархические структуры, государство.

The “system” concept is among the core concepts in the study of International Relations. But the long-term potential and the current limitations of this concept as an explanatory construct are highly debatable. The majority of theoreticians argue that the international system emerged only with the Treaty of Westphalia. The article puts this thesis under scrutiny. Drawing on the works of Russian and international scholars, the author defines the main parameters of international system and applies them to an analysis of international relations in the Middle Ages and the pre-1648 Early Modern Age. This approach illuminates certain laws and principles that assist in analyzing and forecasting the transformation of the Westphalia System in the XXI century.

Keywords: international system, world-economy, international actor, international legal order, hierarchic structures, nation state.

Международные отношения в последние десятилетия претерпевают существенные изменения. Появились новые, негосударственные субъекты, которые по-своему выстраивают диалог с государствами, — международные межправительственные и непра-

* *Дунаев Александр Львович* — к.и.н., ст. преп. кафедры истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aleksandr.dunaev@gmail.com).

вительственные организации, «интернационалы» политических партий, транснациональные корпорации и т.д. [2, с. 65]. Различные государства и целые регионы становятся все более взаимозависимыми как в экономическом плане, так и с точки зрения общих проблем, с которыми им приходится сталкиваться, например в сферах экологии, терроризма, организованной преступности. Все эти факторы дают возможность предположить, что система международных отношений (СМО), сложившаяся еще в середине XVII в., стоит на пороге глубоких трансформаций. В связи с этим представляется актуальной проблема, касающаяся возможных форм изменения современной СМО.

Для исследования этой проблемы необходимо решить следующие задачи. Во-первых, дать определение понятию «система» для более четкого обозначения возможностей его применения к исследованию международных отношений. Во-вторых, выявить основные характеристики СМО. В-третьих, на конкретном историческом примере рассмотреть вопрос о допустимости применения понятия СМО за рамками Вестфальской системы. И, наконец, в-четвертых, в случае успешного опыта использования понятия СМО в приложении к иным историческим реалиям применить полученные результаты для анализа возможных путей трансформации современных международных отношений.

Понятие «система» стали широко использовать в науке с 30-х гг. XX столетия. Основатель системного подхода австрийский биолог Людвиг фон Берталанфи определил систему как совокупность взаимодействующих элементов [23, p. 5]. Впоследствии это понятие усложнялось, включая в себя все новые элементы. Одно из наиболее точных его определений дал российский биолог и философ Ю.А. Урманцев, рассматривавший систему как «построенное по определенным законам композиции (симметрии) гетерогенное образование, состоящее из обособленных по общему (системообразующему) основанию первичных компонентов (элементов), связанных множеством системообразующих отношений» [см.: 16].

Однако в приложении к международным отношениям эти определения носят неполный характер. СМО развивается во времени и пространстве, поэтому большое значение имеет рассмотрение форм ее эволюции. Философскую основу для анализа преобразований системы заложил бельгийский и американский физик и химик российского происхождения И. Пригожин, полагавший, что система имеет собственное время, основанием для измерения которого служит минимальный акт, приводящий к изменению ее структуры; структура появляется, развивается и гибнет, и собственное время системы имеет в ней свое начало и свой конец как замкнутое в себе единство [см.: 16]. Важно подчеркнуть, что систе-

ма является не просто постоянно развивающимся образованием. По справедливому замечанию выдающегося советского культуролога Ю.М. Лотмана, она соприкасается с другими системами и подвержена влиянию внешних вторжений, причем предугадать их результат невозможно: «случай, когда внешнее вторжение приводит к победе одной из столкнувшихся систем и подавлению другой, характеризует далеко не все события. Достаточно часто столкновение порождает нечто третье, принципиально новое, которое не является очевидным, логически предсказуемым последствием ни одной из столкнувшихся систем» [13, с. 63].

В области исследования международных отношений понятие «система» приобрело некоторые специфические особенности, т.к. в самом общем виде СМО представляет собой регулярное взаимодействие между государствами, при котором поведение одного влияет на поведение остальных [25]; при этом в центре внимания исследователей международных отношений была Вестфальская СМО. Так, российский ученый Р. Зуйков выделил следующие ее характеристики:

1) субъект — государство;

2) объект отношений между субъектами — влияние (могущество), распределенное между ними;

3) движущая сила функционирования системы — борьба между государствами за влияние;

4) устойчивая структура, формируемая отношениями взаимного силового сдерживания между ведущими государствами;

5) свойство отношений — взаимодействия в форме взаимного сдерживания посредством увеличения государствами собственного силового потенциала для недопущения расширения влияния соперников;

6) общесистемная функция — предотвращение установления универсалистской имперской модели международно-политического устройства, т.е. обеспечение существования политически независимых и суверенных государств-наций как субъектов межгосударственных отношений;

7) интегративное качество целого — состояние динамического силового равновесия;

8) международно-политический порядок как институционально-правовое оформление, закрепляющее определенную структурную центросиловую конфигурацию равновесного состояния СМО [5, с.17].

Мы примем выявленные Р. Зуйковым характеристики Вестфальской системы в качестве отправного пункта для анализа СМО в целом.

В трудах по международным отношениям нередко встречается утверждение, что первой СМО стала Вестфальская система. Эта точка зрения основывается на том, что именно после Вестфальского мира ключевым и единственным субъектом международных отношений стало современное государство, и сама система представляла собой взаимоотношения между различными государствами. При этом в изучении Вестфальской СМО основное внимание уделялось ее международно-политическому порядку. В отечественной науке долгое время считалось, что с 1648 г. в международных отношениях сменилось несколько систем (Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская), каждая из которых отличалась от остальных своим институционально-правовым оформлением. А поскольку в эпоху, предшествовавшую заключению Вестфальского мира, не было документа, обязывавшего всех участников международных отношений следовать определенным принципам, использовать понятие СМО за рамками Вестфальской системы невозможно.

В современных условиях этот подход нуждается в существенной корректировке. Прежде всего, следует отметить, что с распадом Советского Союза так называемая Ялтинско-Потсдамская система прекратила существование, и в последние 20 лет в международных отношениях отсутствует институционально-правовое оформление. Значит ли это, что международные отношения вообще потеряли системный характер? На наш взгляд, это не так. Для того чтобы оперировать понятием СМО в современных условиях, нужно отказаться от рассмотрения международно-политического порядка в качестве ключевого ее параметра и сосредоточиться на анализе других ее составляющих.

Нетрудно заметить, что многие характеристики Вестфальской СМО вполне применимы к более ранним этапам развития международных отношений как в Европе, так и в других регионах мира. Во все времена различные субъекты стремились к расширению своего влияния и могущества за счет ослабления своих соперников. В качестве примера можно привести борьбу Египта и Хеттского царства в XVI—XIII вв. до н.э. за влияние в Передней Азии, противостояние «борющихся царств» в Китае в V—III вв. до н.э. или соперничество среди греческих полисов в V в. до н.э. за доминирование в эллинском мире. Взаимоотношения между участниками этих систем также характеризовались стремлением к взаимному сдерживанию и сохранению силового равновесия. В связи с этим неудивительно, что уже во второй половине XX в. стали предприниматься попытки применять понятие СМО за рамками Вестфальской системы. Так, французский философ, политолог и социолог Р. Арон сравнивал отношения греческих полисов в V в. до н.э. с от-

ношениями между европейскими государствами в XVII, XIX и XX вв. [21, p. 133—154], а английский исследователь Э. Луард выделял семь исторических СМО, четыре из которых относились к периоду до 1648 г. (древнекитайская в 771—721 гг. до н.э., древнегреческая в 510—338 гг. до н.э., эпоха европейских династий в 1300—1559 гг. и эра религиозного господства в 1559—1648 гг.) [см.: 18, с. 177].

На наш взгляд, для того чтобы выйти за рамки Вестфальской системы, нужно начать с анализа понятия субъекта СМО. В международном праве под субъектом понимается «участник международных отношений, обладающий правами и обязанностями, осуществляющий их на основе юридических норм и несущий в необходимых случаях международно-правовую ответственность за их нарушение» [19, с. 31]. Социальные науки видят в субъекте «индивид, социальную группу, класс, общность людей, взаимодействующих друг с другом по поводу и/или при помощи того или иного объекта» [19, с. 31]. Субъект — понятие не идентичное термину «международный актор», рассматриваемому как «любое действующее лицо, которое принимает активное участие в международных процессах». Ссылаясь на А. Турена, П.А. Цыганков отмечает, что «если основное свойство субъекта — желание “не быть пешкой в системе”, то особенность актора — это способность действовать и вносить своей деятельностью изменения в окружающую среду» [19, с. 32]. Термин «субъект» шире, поэтому в настоящей статье мы будем оперировать именно им.

В Вестфальской системе единственным типом субъекта международных отношений было государство. Но справедливо ли ограничиваться им при изучении современного периода или эпохи, предшествовавшей Вестфальской СМО? В случае положительного ответа на этот вопрос мы столкнемся с трудностями в определении роли, например, католической церкви в Средние века или кочевых племен в более ранний период. Выделение государства как единственного типа субъекта международных отношений не позволяет дать ответы на многие вопросы, касающиеся не только истории, но и современности.

В последние годы предпринимаются попытки по-новому взглянуть на природу субъекта. Японский исследователь Т. Иногучи обобщил различные подходы такого рода, выделив три геополитические схемы [24, p. 190]. Основное различие в них — тип субъекта, именуемый Т. Иногучи «институциональной единицей». Так, институциональной единицей вестфальской, или реалистической, схемы, наиболее полно изложенной в трудах Г. Киссинджера, является государство. Институциональная единица либеральной схемы, подробно описанной в трудах Ф. Фукуямы, — это либеральная демократия. В выдвигаемой С. Хантингтоном схеме, которую Т. Иногу-

чи характеризует как антиутопическую, есть институциональные единицы двух типов: с одной стороны, это «цивилизационная сверхдержава» («civilizational superstate»), с другой — «несостоявшиеся» государства («failed/failing states»).

В предложенном Т. Иногучи анализе различных подходов к исследованию природы субъекта наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет попытка выйти за рамки вестфальской схемы. Можно пойти дальше и включить в СМО новых субъектов, влияние которых в последние десятилетия настолько возросло, что игнорировать их далее не представляется возможным. По этому пути пошли представители таких направлений в исследовании международных отношений, как, например, либералы, сторонники либерального неоинституционализма, транснационализма [19, с. 38—40].

На наш взгляд, чтобы понять, кто может быть субъектом СМО, необходимо определить его характеристики. Поскольку Вестфальская система изучена лучше других, мы начнем с анализа ее субъекта — государства.

В Вестфальской системе под государством понимается современный его тип, возникший как инструмент борьбы европейских монархий с конкурировавшими иерархическими структурами в XIV—XVII вв. — городами, церковью, империей, знатью. По определению израильского историка и военного теоретика М. ван Кревельда, современное государство представляет собой абстрактную сущность, не идентичную правителям или подданным; государство — это корпорация «в том смысле, что оно выступает юридическим лицом <...> Государство отличается от других корпораций тем, что оно, во-первых, санкционирует все корпорации, но само получает санкцию (признание) исключительно со стороны других образований той же природы, что и оно само; во-вторых, определенные функции (известные в обществе как атрибуты суверенитета) могут выполняться только им самим; и в-третьих, оно осуществляет эти функции на определенной территории, где его полномочия эксклюзивны и всеобъемлющи» [12, с. 11][1].

Ключевые характеристики государства как субъекта международных отношений можно определить следующим образом. Во-первых, оно располагает материальной основой, которая складывается из контроля над определенной территорией и проживающим на ней населением, а также из получаемых с него доходов. Материальная

[1] Разумеется, на различных этапах развития Вестфальской системы доминировали разные виды современного государства. Дж. Арриги отмечает, что после 1648 г. ведущие позиции в межгосударственной системе отношений заняла Голландия, представлявшая собой «протонациональное» государство. После Наполеоновских войн на передний план вышли национальные государства во главе с Великобританией, а после Второй мировой войны их сменили государства континентальных масштабов — США и СССР [22, p. 72].

основа позволяет государству сосредоточивать в своих руках средства принуждения (вооруженные силы, полицию), которые оно использует для достижения своих целей. Во-вторых, оно может вести соперничество с другими государствами только при наличии эффективной организационной модели; иными словами, государство должно располагать сложной иерархической структурой, обеспечивающей его устойчивость и позволяющей ему быстро реагировать на вызовы со стороны других субъектов или внешних по отношению к данной СМО сил. В-третьих, государство имеет определенный юридический статус: его иерархическая структура и независимость закреплены с правовой точки зрения и признаются другими участниками системы.

Насколько применимы эти параметры к новым субъектам современной СМО? На наш взгляд, полностью соответствуют им второй и третий параметры. Что касается первого, то здесь следует отметить, что обладание территорией, игравшее ключевую роль на протяжении всей истории международных отношений, в последние десятилетия теряет свое значение, поскольку новые субъекты (ТНК, международные организации) располагают иными источниками доходов; кроме того, обладание средствами принуждения и их использование остаются прерогативой государства и не доступны новым субъектам. Вместе с тем экономическая основа остается ключевым фактором для обеспечения независимости по отношению к другим участникам системы.

Таким образом, мы можем констатировать, что полноправным субъектом СМО является любое образование, к которому применимы перечисленные ранее параметры. Если в Вестфальской системе им соответствовал только один специфический тип субъектов — современное государство, то в предшествующие ей эпохи и в наши дни таких типов может быть больше. А значит, можно высказать предположение о существовании СМО и до, и после Вестфальской системы.

Рассмотрим теперь другие ее характеристики, выделенные Р. Зуйковым. Объект отношений между государствами (влияние/могущество), равно как и движущая сила функционирования СМО в виде борьбы между субъектами за влияние, на протяжении всей истории и до наших дней оставались неизменными, менялись лишь средства этой борьбы: если в прошлом основным способом достижения целей было применение насилия, то сегодня соперничество выражается прежде всего в экономической области.

Структура СМО имеет тенденцию сохранять устойчивость в течение длительных периодов в различных регионах. Вестфальская система, просуществовавшая более 300 лет, по всей видимости, стала одной из самых устойчивых в истории международных

отношений. Однако в предыдущие эпохи мы также встречаем примеры долговременных структур, в частности взаимоотношения между древними государствами Передней Азии после периода расширения той или иной державы (около 100 лет после ассирийских завоеваний, более 150 лет после персидских завоеваний) или между греческими полисами в период между отражением персидской агрессии в начале V в. до н.э. и завоеванием Эллады македонянами в 338 г. до н.э.

Свойство отношений также было достаточно стабильным на протяжении всей истории. Силовое сдерживание и вообще применение силы оставалось ведущим способом разрешения конфликтов, хотя и здесь следует отметить, что средства и формы силового сдерживания постоянно менялись. Использование силы представлялось наиболее простым и действенным способом по двум причинам. Во-первых, на протяжении многих столетий каждый субъект международных отношений имел относительно автономную хозяйственную систему, которая позволяла ему мириться с сужением или даже прекращением внешних экономических контактов на время ведения боевых действий. Во-вторых, несмотря на постоянный прогресс в оружейном деле, до середины XX в. не существовало такого вида оружия, применение которого сделало бы бессмысленной борьбу за влияние силовыми методами.

В современную эпоху ситуация значительно изменилась. В XX в. «ни одна из войн не закончилась так, как желали агрессор или инициатор войны перед ее началом; большинство увенчалось итогами, прямо противоположными тем, что ожидались инициаторами войны» [2, с. 55]. Сегодня ведущие субъекты международных отношений тесно взаимосвязаны, поэтому применение силы привело бы к таким потерям, которые превысили бы все возможные приобретения. Кроме того, негосударственные субъекты не располагают вооруженными силами и потому ведут борьбу за влияние другими способами. Что касается самого понятия войны, то появление ядерного оружия привело к его глубокой трансформации: ведь применение ядерного оружия грозит уничтожением не только жертве нападения, но и самому агрессору. Вследствие этого в последние десятилетия основным видом силовых конфликтов стала не полномасштабная война между крупными государствами, а «конфликты низкой интенсивности», которые разгораются, как правило, в развивающихся регионах мира и характеризуются тем, что регулярная армия редко принимает в них участие с обеих сторон, а оружие, применяемое в них, не отличается большой сложностью. По оценке М. ван Кревельда, в период с 1945 по 1991 г. в мире произошло около 160 вооруженных конфликтов и три четверти из них относятся к числу «конфликтов низкой интенсивности» [11, с. 46].

На наш взгляд, ключевые параметры СМО можно распределить на шкале изменяемости. Так, объект системы (влияние/могущество) и движущая сила ее функционирования (борьба за влияние) не менялись на протяжении всей истории международных отношений и остаются неизменными до сих пор; трансформировались лишь формы этой борьбы. Структура (отношения взаимного силового сдерживания), свойство отношений (взаимодействия в форме взаимного сдерживания), общесистемная функция (понимаемая как предотвращение установления доминирования одного субъекта, угрожающего независимости других субъектов) и интегративное качество целого (динамическое силовое равновесие) оставались достаточно стабильными характеристиками СМО на протяжении длительных периодов вплоть до конца XX в. Менее устойчивой характеристикой является порядок, который представляет собой институционально-правовое оформление СМО или закрепление определенного ее состояния в правовых документах, признаваемых ведущими участниками данной системы. Наконец, наименее устойчивым параметром является субъект: в Вестфальской системе им было государство, в средневековой Европе — несколько конкурирующих иерархических структур, в Греции V—IV вв. до н.э. — полис.

Таким образом, параметры системы, предложенные Р. Зуйковым для Вестфальской СМО, mutatis mutandis могут быть применены и к предыдущим эпохам, и к современности. Однако для придания универсальности понятию СМО количество этих параметров следует расширить.

Как и всякая система, СМО зарождается, развивается, трансформируется и усложняется. Эти изменения определяются множеством факторов, как внешних (например, природные явления, нашествие врага, не являющегося участником данной СМО), так и внутренних (например, социально-экономическое развитие каждого субъекта, появление новых и кризис старых субъектов). В определенный момент система усложняется настолько, что наступает ее кризис или состояние «системного хаоса», если применить термин итальянского экономиста и социолога Дж. Арриги [22, p. 29]. Следствием «системного хаоса» становятся исчезновение СМО в прежнем виде и возникновение на ее месте новой СМО.

В качестве примера можно привести историю все той же Вестфальской системы: придя на смену СМО, сложившейся в Средние века и дошедшей до состояния «системного хаоса» в эпоху Тридцатилетней войны, она стала отражением новой ситуации в международных отношениях в Европе, где безоговорочное лидерство среди субъектов приобрело современное государство. Среди государств выделялись лидеры, определявшие принципы функциони-

рования этой системы и обеспечивавшие их исполнение: после Тридцатилетней войны таким государством стали Нидерланды, после Наполеоновских войн — Великобритания, после Первой и Второй мировых войн — США. Географические рамки Вестфальской СМО постоянно расширялись. Так, в начале XVIII в. ее полноправной участницей стала Россия. В начале XIX в. Вестфальская СМО распространилась на государства, возникшие в Америке на руинах испанской и португальской колониальных империй. Наконец, после крушения европейских колониальных империй в Азии и Африке в 50—60-х гг. XX в. Вестфальская СМО распространилась на весь мир. Однако во второй половине XX в. такие факторы, как возникновение феномена сверхдержав, появление ядерного оружия, обессмыслившего важнейший способ разрешения конфликтов между государствами, рост экономической взаимозависимости стран, кризис современного государства и появление новых видов субъектов, привели к кризису данной системы. По всей видимости, в настоящее время мы являемся свидетелями «системного хаоса», когда Вестфальская СМО уходит в историю и определяются параметры новой системы.

Вестфальская СМО появилась в той части Европы, где исповедовался католицизм и — после начала Реформации — протестантизм. Здесь мы сталкиваемся с проблемой пространственных границ системы. На наш взгляд, решить ее можно, опираясь на понятие «мира-экономики», активно используемое исследователями школы мир-системного анализа. Ф. Бродель определял «мир-экономику» как «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [4, с. 14]. Однако это понятие «не означает некий “мир” (“цивилизацию” или “общество”), который формируется, вырастает на основе определенного типа экономики и целиком в своем развитии определяется этим типом экономики <...> То есть “мир-экономика” — это “мир” (“общество”), рассматриваемый прежде всего с точки зрения его экономической жизни, а не экономика, которая формирует некий “мир в себе”» [см: 15].

По определению Ф. Броделя, «мир-экономика» обладает тремя существенными признаками. Во-первых, занимает определенное географическое пространство и имеет границы, обусловленные как естественными, так и экономическими, культурными, религиозными и — что важно отметить — технологическими факторами. Во-вторых, имеет свой центр, или город, занимающий господствующее положение в экономической системе; причем в определенных исторических условиях таких центров может быть два, например Лондон и Амстердам на протяжении большей части XVIII в.

Наконец, в-третьих, «мир-экономика» состоит из нескольких концентрически сформированных зон: вокруг центра располагается срединная зона, которая, в свою очередь, окружена промежуточными зонами, заключенными в огромное кольцо периферийных территорий [4, с. 84—86].

По мнению Ф. Броделя, еще со времен Античности мир был разделен на несколько «более или менее централизованных и связанных экономических зон, т.е. на несколько сосуществовавших миров-экономик» [4, с. 87]. Между различными «мирами-экономиками» пролегает своего рода «ничейная земля», становящаяся, с одной стороны, ареной столкновений между ними, а с другой — территорией, через которую осуществляются экономические и культурные контакты. Так, например, Средиземное море в течение многих веков было границей между католической Европой и исламским миром.

Ф. Бродель и другие представители школы мир-системного анализа сосредоточивались прежде всего на изучении экономической основы «миров-экономик» и не обращались к вопросу о существовании СМО в их рамках. В их трудах рассматривается лишь современная межгосударственная система, которая сложилась в XVII в. и прообраз которой они видели в подсистеме итальянских городов-государств, образовавшейся в XV в. вокруг Венеции, Флоренции, Генуи и Милана [4, гл. 2; 14, с. 87—101; 1, с. 79—91]. Между тем исследование системы взаимоотношений, складывавшейся между субъектами в рамках различных «миров-экономик», могло бы быть плодотворным для расширения поля применения понятия «система» в области международных отношений. Можно предположить, что в рамках каждого из таких «миров-экономик» существовала своя СМО, которую мы предлагаем называть пространственно-временной. Ее особенности обусловливались господствующим типом (одним или несколькими) субъекта. Важнейшей характеристикой каждой такой СМО является продолжительность ее существования, которая определяется циклом развития субъекта. Этот цикл состоит из нескольких стадий. Сначала субъект (или субъекты) проходит стадию становления, затем он активно развивается и достигает расцвета. После этого наступает кризис, выражающийся в том, что данный тип субъекта теряет свои доминирующие позиции перед лицом новых набирающих силу типов субъектов. На завершающей стадии тип субъекта либо окончательно исчезает с международной арены (как это произошло со Священной Римской империей, игравшей ведущую роль в международных отношениях в Европе в XI—XIII вв. и исчезнувшей с политической карты в 1806 г.), либо продолжает существовать, но теряет всякое значение в международных отношениях в рамках новой СМО (такая судьба

постигла католическую церковь, боровшуюся с Империей за доминирование в XI—XIII вв. и окончательно утратившую вес в международных делах после Вестфальского мира), либо трансформируется в новый тип субъекта (например, средневековые территориальные государства, превратившиеся в XIV—XVII вв. в государства современного типа).

Исследование пространственно-временных СМО подводит нас к важному вопросу о том, как они контактировали между собой на межсистемном уровне. Безусловно, объектом их взаимоотношений также было влияние, что подтверждается, например, тем, как китайские императоры воспринимали посланников из далеких краев. Всякое посольство рассматривалось ими как выражение покорности и признание подчиненного положения других стран по отношению к Поднебесной империи, а император У-ди (140—87 гг. до н.э.), при котором Китай установил контакты с Центральной Азией и через нее начал торговать с Индией, Парфией и Римской империей, мечтал о том, чтобы «расширить пределы империи на десять тысяч ли и распространить власть Сына Неба во всем мире» [7, с. 447]. Однако на протяжении многих веков средства для ведения борьбы за власть были ограничены недостаточным развитием технологии — здесь можно вспомнить о неудаче, которую потерпел Александр Македонский в 326 г. до н.э., когда его измученные войска отказались продолжать поход в Индию. Единственной относительно успешной попыткой захватить территории сразу нескольких СМО до Нового времени были завоевания монголов в XIII в., однако созданная ими империя оказалась недолговечной, распавшись вскоре на несколько отдельных частей. В остальных случаях военные столкновения между отдаленными СМО имели спорадический характер, как, например, Таласская битва в июле 751 г., в которой арабы разгромили китайцев [8, с. 230].

Следствием технологических препятствий стало то, что самый эффективный способ борьбы за влияние — война — был доступен только для участников одной СМО или для двух соседствующих СМО, как, например, в случае борьбы исламского мира и католической Европы. В связи с этим расширения влияния различные участники СМО пытались добиться с помощью других методов, например дипломатии, торговли или религиозной пропаганды. Так, католическая церковь с XIII в. начала активно рассылать проповедников по всему миру, стремясь расширить свое влияние в далеких регионах: в конце XIII в. францисканец Иоанн из Монтекорвино отправился с миссией в Индию и Китай, а в 1307 г. был возведен папой Климентом V в достоинство «архиепископа Ханбалыкского и патриарха всей Татарии» и занял вновь созданную архиепископскую кафедру в Пекине [6].

Преодоление технологических препятствий и, как следствие, появление возможности использовать силовые средства для обеспечения своего влияния произошло только в Новое время, когда европейские государства постепенно подчинили себе иные цивилизации. В XX в. итогом этого процесса стало распространение в Азии, Африке и Америке такой иерархической формы организации управления обществом, как современное государство, контракция, или сжатие, мирового пространства[2] и включение в рамки Вестфальской системы всего земного шара.

Таким образом, понятие пространственно-временной СМО можно применять для анализа международных отношений в различных регионах мира и в различные исторические эпохи. Объект каждой СМО всегда неизменен — это влияние, или могущество, которого субъекты добиваются различными способами в зависимости от складывающихся обстоятельств. Ключевое значение для определения характера системы имеет господствующий в ней тип субъекта.

Как отмечалось ранее, борьба за влияние является свойством не только каждой из пространственно-временных СМО, но и взаимоотношений между ними. Из этого можно сделать вывод о том, что различные пространственно-временные СМО, существовавшие в Евразии и на севере Африки, были субъектами более масштабной, универсальной системы. Ее возникновение следует отнести ко времени установления устойчивых связей между различными регионами: это рубеж нашей эры, когда во всех четырех крупнейших державах того времени — Римской империи, Парфии, Кушанском царстве и Китае — стабилизировалось внутреннее положение, что способствовало установлению относительно регулярных контактов между разными странами от Китая до Средиземного моря. Технологические ограничения не давали возможности предпринять попытку покорения отдаленных СМО, однако стремление к доминированию регулярно возникало у многих субъектов международных отношений и находило воплощение в поисках невоенных способов (путем дипломатического давления, культурной и религиозной экспансии) обеспечения своего влияния над участниками других СМО.

Перейдем к практическому применению выявленных критериев пространственно-временной СМО к конкретному региону

[2] Это стало возможным благодаря развитию транспорта. Так, до 1840 г. максимальная средняя скорость передвижения на лошадях или на кораблях составляла 16 км/ч. В 1840—1930 гг. она выросла до 104 км/ч для сухопутного (железнодорожного) транспорта и до 60 км/ч для морского. В 1950 г. турбовинтовая авиация обеспечивала перемещение со скоростью 650 км/ч, а начало массового использования реактивных двигателей в 60-х гг. XX в. сделало возможным перемещение со сверхзвуковой скоростью [22, p. 73].

в определенный исторический период. Мы рассмотрим пример международных отношений в Западной Европе в эпоху, предшествовавшую заключению Вестфальского мира. Данную СМО мы предлагаем условно называть средневековой. Рамки статьи не позволяют нам представить подробную ее картину, поэтому мы ограничимся схематическим описанием.

Для определения географических границ средневековой СМО мы вновь обратимся к Ф. Броделю. Он отмечал, что европейский «мир-экономика» стал складываться в XI—XII вв. вокруг оси, соединявшей два главных полюса экономической активности — Нидерланды и Италию [4, с. 78]. Вдоль этой оси располагались богатые земли, которые, однако, с политической точки зрения, были раздроблены на множество княжеств, епископств и земель, подвластных городам. Чуть дальше находились более крупные территориальные образования: на западе — Французское королевство, на востоке — Священная Римская империя; еще дальше — государства Пиренейского полуострова, Англия, Дания, Швеция, Польша и Венгрия. В политическом плане эти территории были весьма неоднородны, однако всех их объединяли единая (до начала Реформации в 1517 г.) католическая вера и общая культура, основанная на римском наследии, христианских ценностях и использовании латыни как языка культуры и науки. Культурно-религиозный фактор играл важную роль в осознании внутреннего единства и отличия от соседних цивилизаций: неслучайно отнесение себя к «христианскому миру» было доминирующей формой самоидентификации жителей этого региона до XVII—XVIII вв., когда это понятие было постепенно вытеснено понятием «Европа» [20, с. 8].

Границы «христианского мира» претерпевали существенные изменения на протяжении веков. Первоначально они охватывали всю территорию Римской империи, принявшей христианство в 313 г. Во время арабских завоеваний границы сузились: в VII в. в состав Халифата вошли переднеазиатские земли, Египет и остальная часть Северной Африки, а в начале VIII в. арабы, высадившись в Испании, разгромили Вестготское королевство. В 1054 г. произошла «Великая схизма», когда папа римский Лев IX и константинопольский патриарх Михаил Керуларий предали друг друга анафеме, в результате чего «христианский мир» окончательно раскололся на две части — католическую и православную. Вместе с тем в XI в. пространство католического мира начало расширяться в восточном, а затем и в северо-восточном направлениях: в католицизм обратились Венгрия, Польша, Дания и Швеция. В конце XI в. католическая Европа, переживавшая экономический подъем, стала вести активную экспансию, окрашенную в религиозные тона: в 1096 г. начался первый крестовый поход, в XII в. немецкие

рыцари вторглись в земли прусов. Этот экспансионистский импульс сохранял силу до конца XIII в., когда крестоносцы были окончательно изгнаны из Святой Земли мамелюками, а на востоке Европы немецкие рыцари столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны прибалтийских и русских княжеств (поворотными моментами в этом процессе стали битва на Чудском озере в 1242 г. и Грюнвальдское сражение в 1410 г.). В XIV в. Европу охватил жестокий экономический, социальный и демографический кризис, результатом которого стало прекращение внешней военной экспансии. В XV в. католическая Европа столкнулась с турецкой угрозой, особенно сказавшейся на благосостоянии итальянских морских республик. В XVI в. европейцы, продолжая с переменным успехом бороться с Османской империей, начали активную экспансию на вновь открытом Американском континенте и в Азии. К моменту заключения Вестфальского мира границы католической/протестантской Европы проходили по восточным рубежам Речи Посполитой и Священной Римской империи, а на юге — по Средиземному морю.

Большая часть параметров СМО, о которых шла речь ранее, легко применима для анализа средневековой системы: объектом в ней было влияние/могущество, а движущей силой функционирования — борьба за влияние. Структура, свойство отношений, общесистемная функция и интегративное качество целого также совпадали с характеристиками Вестфальской СМО. Участники системы внимательно следили за своими соперниками и стремились не допустить возникновения такой ситуации, в которой один субъект получит подавляющее превосходство над остальными. В качестве примера можно привести войну Камбрейской лиги, начавшуюся в декабре 1508 г. Лига была создана королем Франции Людовиком XII, королем Испании Фердинандом Католическим, императором Священной Римской империи Максимилианом I и римским папой Юлием II для борьбы с Венецией. Уже в 1510 г. римский понтифик, вернувший себе утраченные земли в Романье, вышел из лиги и заключил союз с Венецией против Франции. Вскоре король Испании и император также стали опасаться чрезмерного усиления французского влияния в Италии. В результате в 1511 г. Испания, Священная Римская империя, Венеция и присоединившаяся к ним несколько позже Англия образовали Священную лигу, направленную против Франции. На следующий год Франции удалось переманить на свою сторону Венецию, после чего франко-венецианский союз выступил против Империи, Испании и римского папы. Испания, завоевав Наварру и разбив французов, в 1513 г. заключила мир с Францией. Война закончилась только

с подписанием мирного договора между Францией, Испанией и Империей в марте 1517 г. [9, с. 398—399].

Вместе с тем по сравнению с Вестфальской средневековая СМО имела более слабое институционально-правовое оформление — ее история не знает договоров, которые были бы подписаны всеми ключевыми участниками и принципы которых твердо соблюдались бы. Тем не менее некоторым ведущим субъектам удавалось приходить к соглашениям, определявшим характер их взаимоотношений на достаточно продолжительный период. К числу таких соглашений можно отнести, например, Вормсский конкордат 1122 г. между Империей и папством.

Еще одной особенностью средневековой СМО была ограниченность ресурсов для ведения борьбы за влияние. До XV—XVI вв. субъекты не располагали достаточным количеством сил и средств для содержания больших армий: ни одному из них не удавалось собрать даже на очень короткий срок войско, численность которого превышала бы 100 000 человек [10, с. 386]. Даже в 1600 г. военные силы ведущих субъектов СМО оставались довольно скромными: Испания располагала 200 000 солдат, Франция — 80 000, Англия — 30 000 [17, с. 125]. Кроме того, военные действия велись в основном в теплое время года, что также ограничивало возможности средневековых полководцев. Крупные сражения были редкими, а большая часть военных столкновений представляла собой стычки между отрядами в несколько сотен человек. М. ван Кревельд справедливо отмечает, что, с современной точки зрения, средневековые войны могут быть охарактеризованы скорее как конфликты низкой интенсивности [11, с. 138].

Перейдем к анализу процесса становления основных субъектов средневековой СМО, или ключевых иерархических структур, которые вели между собой борьбу за влияние. Ф. Бродель отмечал, что в средневековой Европе существовала не одна иерархия, а несколько. Древнейшая из них — сеньориальная — объединяла сеньоров и зависимых от них крестьян. От римских времен вела свою историю церковная иерархия, возглавляемая римским понтификом. Иерархия территориального государства имела более короткую историю и к X в. находилась в глубоком упадке, который, тем не менее, не привел к полному ее краху. Феодальная иерархия, основанная на держании земель на условиях военной службы в пользу своего сеньора, вела свою историю от бенефициальной реформы Карла Мартелла. Наконец, последняя, пятая иерархия, выделяемая Ф. Броделем, — это иерархия городов, возродившихся в X—XI вв. [3, с. 466].

Рассмотрим эти иерархические структуры с точки зрения их участия в средневековой СМО. Некоторые субъекты выступали

лишь на локальном уровне. Их можно отнести к субъектам второго порядка в данной системе. Это основная часть феодалов, обособившихся от королевской власти в X—XI вв. и постепенно сливавшихся с сеньорами, и большинство городов. В силу ограниченности сил и средств они не могли претендовать на доминирование в средневековой СМО. В то же время более крупные субъекты, ведшие между собой борьбу за гегемонию, не могли обойтись без их военной (в основном со стороны феодалов) и экономической (в основном со стороны городов) поддержки. В определенные моменты участие субъектов второго порядка играло ключевую роль в борьбе ведущих акторов. В 1176 г. в битве при Леньяно войска городов Ломбардской лиги разгромили армию Фридриха Барбароссы; в 1302 г. фламандское городское ополчение разбило силы французского короля Филиппа IV Красивого в битве при Куртре; в XV в. важную роль в международных отношениях играло Бургундское герцогство.

На системном уровне выступали субъекты, которые мы предлагаем относить к субъектам первого порядка в средневековой СМО. Это территориальные государства, церковь, а также Священная Римская империя. Именно между ними шла борьба за доминирование. Становление всех этих трех субъектов относится к X—XI вв.

В XI—XII вв. в средневековой СМО доминировали два субъекта — Империя и католическая церковь, возглавляемая римским понтификом. Империя, возрожденная Оттоном I в 962 г., пережила период упадка в начале XI в., но восстановила свое могущество при императорах Салической, или Франконской, династии (1024—1125). Католическая церковь в середине XI в. прошла через глубокие реформы, которые позволили ей уже в понтификат Григория VII (1073—1085) вступить в борьбу с Империей за доминирование в средневековой СМО. В противостояние между этими двумя субъектами, развернувшееся на территории Италии, оказались вовлечены местные феодалы и города[3], разделившиеся на гибеллинов (сторонников императора) и гвельфов (сторонников папы). Иногда противоборствующим сторонам удавалось найти компромисс, как, например, в 1122 г., когда император Генрих V и папа Каликст II заключили конкордат в городе Вормсе, в соответствии с которым право на инвеституру (т.е. назначение) епископов в Германии получал император, а итальянских епископов назначал папа. Однако по прошествии некоторого времени соглашения подобного рода нарушались и борьба возобновлялась с новой силой. Противоборство Империи и папства продлилось два столетия и завершилось

[3] Некоторые города дорого заплатили за свое участие в схватке папства и Империи: так, в 1162 г. Милан был полностью разрушен войсками императора Фридриха I Барбароссы.

во второй половине XIII в. формальной победой римских понтификов. Однако многолетняя борьба истощила папство, которое не смогло ничего противопоставить претензиям других претендентов на доминирование в СМО, а в начале XIV в. настолько ослабло, что в 1309 г. под давлением французского короля Филиппа IV Красивого перенесло свою резиденцию из Рима в Авиньон. В дальнейшем папство сохранило значительный вес в международных делах, однако уже не могло претендовать на доминирование в СМО.

Для большинства европейских территориальных государств, возглавляемых монархами, X—XI вв. стали периодом становления. Этот процесс протекал по-разному. В некоторых странах королевский титул принимали князья крупных территориальных образований, возникших на основе объединения различных племен (так возникли польское и чешское королевства). В Венгрии королевство было создано в 1000 г. на основе территорий, завоеванных мадьярами в X в. На Пиренейском полуострове христианские монархии создавались в условиях тяжелой борьбы с Кордовским халифатом.

Королевства Франция и Англия в X в. пребывали в упадке. Во Франции в 987 г. Каролингов сменили Капетинги, которые, впрочем, не сумели добиться усиления своей власти. Англия, объединенная в конце IX в. Альфредом Великим, подвергалась постоянным набегам датчан в X в., а в XI в. была захвачена сначала датским королем Кнудом Великим, а затем герцогом Нормандии Вильгельмом Завоевателем.

В условиях подъема европейской экономики в XI—XIII вв. значительно окрепли территориальные королевства на западе Европы. Так, в XIII в. Кастилия и Арагон отвоевали обширные земли у мавров, а Франция добилась присоединения к себе Нормандского герцогства и Южной Франции и в правление короля Людовика IX Святого приняла активное участие в 7-м и 8-м крестовых походах. Другие монархии, напротив, оказались в XIII в. в непростых условиях, поскольку были вынуждены вести борьбу с феодальной знатью. Так развивались события в Англии, Польше (которая еще в XII в. оказалась расколота на несколько княжеств), Венгрии.

XIV век стал поворотным периодом в истории средневековой СМО. Во-первых, на фоне ослабления папства и Империи в международных делах значительно возросла роль территориальных государств. Именно от них в первую очередь стала зависеть расстановка сил в системе. Тем не менее важно отметить, что, выдвинувшись на ведущие роли, территориальные государства все еще не могли обойтись без помощи других субъектов для достижения своих внешнеполитических целей (так, короли Англии и Франции покрывали значительную часть своих расходов за счет займов, полу-

ченных от флорентийских банкиров). Во-вторых, начавшийся в 30—40-е гг. XIV в. масштабный социально-экономический кризис привел к обострению противоречий между различными субъектами СМО.

Главный конфликт XIV и первой половины XV в. разгорелся между двумя территориальными государствами. Столетняя война, основными соперниками в которой были Англия и Франция, приобрела международный характер: в 60-е гг. XIV в. в нее оказались втянуты королевства Кастилия и Арагон. Результатом войны стало, с одной стороны, поражение и значительное ослабление Англии, где вскоре после ее окончания разразилась война Алой и Белой Роз, а с другой — укрепление международных позиций Франции, ставшей самым крупным европейским государством.

Ведя постоянную борьбу за власть с церковью, знатью, городами и другими королевствами, европейские монархии начали создавать новую систему управления, основанную на разветвленном бюрократическом аппарате. Во многом благодаря ей во второй половине XV в. на карте Европы появились централизованные государства (Испания, Франция, Англия), которые заметно превосходили по мощи других субъектов СМО. Испания, образовавшаяся в результате объединения кастильского и арагонского королевств в 1479 г., завершила Реконкисту и на рубеже XV—XVI вв. вступила в ожесточенную борьбу с Францией за контроль над богатейшими итальянскими землями. Развитая государственная структура и приток драгоценных металлов из вновь завоеванных американских земель сделали Испанию мощнейшим государством в Европе, а избрание молодого испанского короля Карла I императором Священной Римской империи (где он стал Карлом V) в 1519 г. позволило Испании занять доминирующие позиции в СМО. XVI век был временем наивысшего могущества Испании, что стало возможным во многом из-за ослабления других ключевых субъектов: Англия не принимала активного участия в континентальных делах после поражения в Столетней войне, а Франция во второй половине XVI в. погрузилась в череду гражданских войн.

Наряду с выдвижением одного государства на позиции очевидного гегемона особенностью международных отношений в период между началом XVI и серединой XVII в. стала огромная роль религиозного фактора. Династия Габсбургов, царствовавшая в Испании и в Империи, настойчиво пыталась добиться восстановления католицизма на территориях, перешедших в протестантизм, и создать единую европейскую империю. Многолетние войны Карла V в Германии не увенчались успехом для императора и завершились Аугсбургским религиозным миром 1555 г. Следующим масштабным конфликтом, возникшим на религиозной почве, стала Тридцатилетняя война, в результате которой было покончено с притязаниями

Габсбургов на господство в Европе, а значение религиозного фактора в международных делах сошло на нет.

На основании приведенных данных мы можем сделать вывод о временных рамках существования средневековой СМО и выделить периоды в процессе ее развития. Все субъекты данной системы, как первого, так и второго порядка, сложились в основном к середине XI в.; кроме того, к этому времени относится окончательное обособление католической Европы от православной Византии. В связи с этим мы предлагаем считать середину XI в. точкой отсчета в истории средневековой СМО. Начальный период ее существования продолжался до начала XIV в., а основным конфликтом была борьба Империи и папства за доминирование. В качестве даты окончания этого периода можно предложить 1309 г., когда понтифик Климент V перенес папскую резиденцию из Рима в Авиньон, что стало очевидным признаком подчинения папства французской монархии и положило начало «авиньонскому пленению пап». Во втором периоде Империя и папство перешли в разряд субъектов второго порядка, т.к. уже не могли оказывать решающее влияние на международные отношения в Европе, однако они играли важную роль на локальном уровне. На первый же план вышли территориальные государства. Основной конфликт второго периода — Столетняя война, в которой сошлись две ведущие монархии Европы — Англия и Франция. Третий период, на наш взгляд, начался в 1519 г., когда Священная Римская империя и могущественное испанское королевство объединились под скипетром императора Карла V. Основной конфликт этого периода носил религиозный характер и заключался в попытке создать в Европе единую католическую Империю под эгидой Испании. Итогом этого периода, завершившегося подписанием Вестфальского мира в 1648 г., стали крушение испанской гегемонии в Европе и утрата Священной Римской империей влияния. Окончательный уход с международной арены всех типов субъектов, игравших ведущую роль в XI—XVII вв., и выдвижение на позиции безоговорочного лидера нового типа субъекта — современного государства — обозначило закат средневековой и рождение новой системы — Вестфальской.

Пример средневековой СМО показывает, что понятие «система» можно применять для изучения международных отношений как в прошлом, так и в современную эпоху. Отказ от международно-правового порядка как ключевой характеристики СМО позволяет сосредоточить основное внимание на типах субъектов, выявление которых дает возможность по-новому взглянуть на остальные характеристики СМО. В системе, постепенно приходящей на смену Вестфальской, по всей видимости, ведущие позиции будут занимать несколько типов субъектов: государства, междуна-

родные организации, ТНК и др. Некоторые параметры СМО останутся прежними: объектом отношений между субъектами будет влияние/могущество, движущей силой функционирования системы — борьба за влияние, а общесистемной функцией — предотвращение установления безусловного доминирования одного из субъектов. Другие характеристики претерпят существенные изменения и будут зависеть от типов субъектов: например, тот факт, что международные организации и ТНК не располагают вооруженными силами, бесспорно, существенно повлияет на формы борьбы за доминирование в СМО. Глобальные масштабы деятельности многих новых субъектов позволяют говорить о том, что складывающаяся система также будет носить глобальный характер. Что же касается международно-политического порядка, то в рамках этой СМО он еще не сложился, и опыт изучения средневековой системы позволяет высказать предположение о том, что этот процесс займет достаточно длительный срок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: «Территория будущего», 2006.

2. *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.

3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. В 3 т. Т. 2. Игры обмена. М., 1988.

4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992.

5. *Зуйков Р.* Вестфальская система международных отношений: критерии и трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3. С. 13—27.

6. Иоанн из Монтекорвино // Православная энциклопедия. Т. XXIV (подготовка к печати).

7. История Востока: В 6 т. Т. 1. Восток в древности. М.: Восточная литература, 1997.

8. История Востока: В 6 т. Т. 2. Восток в Средние века. М.: Восточная литература, 1995.

9. История Европы с древнейших времен до наших дней. В 8 т. Т. 3. От Средневековья к Новому времени. М.: «Наука», 1993.

10. *Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб.: Ювента, 2001.

11. *Кревельд М. ван.* Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2005.

12. *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.

13. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2000.

14. *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX веках. М.: «Территория будущего», 2006.

15. *Петров А.В.* Мир-экономика в социологических концепциях Ф. Броделя и И. Валлерстайна [Электронный ресурс] // Семинар моло-

дых экономистов. Вып. 6. Март 1998. С. 62—76. Системные требования: Adobe Acrobat Reader. URL: http://www.soc.pu.ru/persons/petrov/World-Economy_in_the_Concepts_of_Braudel_and_Wallerstein_1998.pdf (дата обращения: 15.06.2010).

16. Система [Электронный ресурс] // Институт исследований природы времени [Офиц. сайт]. URL: http://www.chronos.msu.ru/TERMS/gansvind_sistema.htm (дата обращения: 30.07.2010).

17. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 1990—1992 гг. М.: «Территория будущего», 2009.

18. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2004.

19. *Цыганков П.А.* О содержании термина «международный актор»: вклад социологии [Электронный ресурс] // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: Материалы 4-го Конвента РАМИ. Т. 1. Акторы в пространстве и времени мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2007. URL: http://www.mgimo.ru/fileserver/books/rami4konvent/t1-tsygankov.pdf (дата обращения: 15.06.2010).

20. *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005.

21. *Aron R.* Paix et guerre entre les nations. P., 1962.

22. *Arrighi G., Silver B.J.* Chaos and Governance in the Modern World System. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

23. *Bertalanfy L. von.* General System Theory. N.Y., 1968.

24. *Inoguchi T.* Three Japanese Scenarios for the Third Millenium // The World We are Entering / Ed. by I. Wallerstein and A. Clesse. Amsterdam, 2002.

25. *Meszaros T.* Quelques réflexions sur l'idée de système en sciences sociales et sur son utilisation dans les Relations internationales contemporaines [En ligne] // Cosmopolis. Revue de cosmopolitique. 2007. № 2 [Site officiel]. URL: http://agora.qc.ca/cosmopolis.nsf/Articles/no2007_2_Quelques_reflexions_sur_lidee_de_systeme_en_scien?OpenDocument (дата обращения 05.05.2010).